

УДК 910.

СОБОРНОСТЬ И РЕГИОНАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ
УКРАИНЫ

Мальгин А.В.

Среди современных украинских праздников, отмечаемых на государственном уровне, есть праздник под названием «День Соборности Украины», который отмечается 22 января. В этот день в 1919 г. было объявлено об объединении (по-украински «Злука») Украинской Народной республики и Западно-украинской Народной республики в единое государство (Именно в этот день в 1990 г. прошел первый крупный смотр сил, выступавших за независимость Украины от СССР. С 25 января 1999 этот день официально отмечается в соответствии с Указом президента Украины как день Соборности. 21 января 2004 г. Леонид Кучма подписал указ о праздновании 85-й годовщины «Акта злуки»). Вскоре после этого оба государственных образования фактически перестали существовать, погибнув в горниле Гражданской войны. Этот праздник эфемерного единства украинского государства в последнее время для украинских политологов, аналитиков и журналистов является главным поводом для обсуждения проблем украинского регионализма, государственной целостности, взаимоотношений Восточных и Западных провинций этого государства и т.д. Повод становится еще более символическим, если мы вспомним, что именно в этот день 22 января, но уже 1946 года прекратила свое официальное существование «Подкарпатская» автономия в составе Чехословакии, которая согласно решения Верховного Совета УССР стала Закарпатской областью Советской Украины, а почти в эти же дни – 20 января 1991 года в Крыму прошел референдум о восстановлении здесь автономной республики.

По поводу «территориального единства» Украинского государства высказываются обычно два полярных мнения. Одно состоит в том, что различия между регионами Украины не следует слишком преувеличены и государство в целом движется к большей унитаризации, другое - в том, что региональные различия субстанциональны для Украины и ее ждет неизбежная федерализация и даже распад. И в минувшем году негласный спор между изданиями, поддерживающими одну из точек зрения, продолжался. Нельзя было не увидеть определенной иронии в том, что за «унитаризм» выступало львовское издание, которое недавно для того, чтобы его читали за пределами Западного региона вынуждено было перейти на русский язык, а сторонником «федерализма» выступала крупная донецкая газета, т.е. газета того региона, представитель которого тоже сравнительно недавно возглавил кабинет министров унитарной Украины. Это обстоятельство доказывает по крайней мере то, что территориально-политические проблемы современной Украины чрезвычайно сложны и противоречивы и требуют

вдумчивого изучения. Они касаются не только сложных отношений между Западом и Востоком государства (последние выступают скорее в качестве воплощения более сложного комплекса проблем). (Важко знайти, - пише М. Рябчук, - якусь закордонну працю про сьогоднішню Україну, котра б не згадувала про істотні мовно-культурні відмінності між українськими регіонами, зумовлені принципово різними історико-політичними умовами їхнього розвитку. У найпростішому вигляді (виділено нами – А.М.) ці відмінності зводяться до протиставлення “націоналістичної”, переважно україномовної Західної України – переважно російськомовної, “інтернаціоналістичної” України Східній) [1].

В современной Украине выделяются как минимум восемь регионов (существует несколько вариантов территориального деления Украины по культурно-историческому принципу. Наиболее распространенным является выделение следующих регионов: Западный, Центральный, Юго-Восточный, Южный, Донецкий, Закарпатье, Буковина, Крым) [2]. По крайней мере, в половине из них широко распространен русский язык (во многих местах он доминирует), в остальных такую же роль играет украинский. Два из них лишь немногим более полувека находились в составе СССР, один стал частью Украины лишь полвека назад и до сих пор упорно стремится сохранить свои культурные особенности. Ряд регионов носит ярко выраженный индустриальный характер, в то время как в других доминирует аграрный сектор. Одни регионы являются местом древнего оседлого поселения людей, другие освоены совсем недавно. Население Западных регионов преимущественно считает себя частью Европы, Восток тяготеет к «наследиям» СССР и, соответственно, к его «главной наследнице» - России.

Любые из прошедших украинских выборов (будь то, президентские или парламентские) показывают, что различные регионы отдают предпочтение разным политическим силам (часто диаметрально противоположным), а одной из главных тем обсуждения украинских политических аналитиков является место и роль так называемых «региональных кланов» в экономической, политической и культурной жизни современного украинского государства. Украина представляет собой обширный и сложный мир, части которого обладают ярким своеобразием, а некоторые – стремлением к автономному существованию. С другой стороны независимая Украина унаследовала от СССР гиперцентралистскую модель организации власти, нередко входящую в противоречие не только со своеобразием ее регионов, но и с интересами экономического и социального развития государства в целом.

В этих условиях особую актуальность приобретает проблема территориального единства Украины, его основ и принципов, которые в украинской политической традиции получили наименование «соборности».

Что вообще понимается под соборностью Украины, как существенным аспектом ее политического бытия, каковы реальные контуры этой соборности и в каких формах она может быть осуществлена, как соотносится идея соборности с реальным региональным разнообразием Украины – вот те вопросы, которые волнуют современное украинское общество, и которые мы намерены осветить в своем исследовании.

Особенно актуальной эти проблемы становятся ввиду дискуссий вокруг административной реформы, предполагающей изменение административно-территориального деления государства, рассматриваемой возможности перехода к двухпалатному парламенту и т.д.

До недавнего времени эти проблемы в академическом ключе исследовались и описывались главным образом зарубежными учеными, как западными, так и российскими [3], и лишь сравнительно недавно эта тематика стала находить подобающее место в украинской политической науке [4, 5, 6, 7, 8, 9].

Однако, не будет большим преувеличением сказать, что эта проблематика еще не имеет устойчивых традиций ее обсуждения и в ее исследовании делаются только первые шаги.

МНОГОЛИКАЯ СОБОРНОСТЬ

Понятие соборности играет чрезвычайно большую роль в политическом сознании Украины, идя сразу же за понятием независимости. Если мы обратимся к филологическим и специальным словарям, то обнаружим, что под соборностью их авторы предлагают понимать единство. «Мала енциклопедія етнодержавознавства» отмечает, что этот термин традиционно употребляется в науке и политической практике как отражение процессов «згуртування споріднених ідеологічних і суспільно політичних рухів». В новое время, (добавим - и в украинском контексте) как указывает то же издание: «Ідея соборності... стала пов'язуватися з консолідаційними етнонаціональними процесами, становленням і розвитком національної державності» («Враховуючі, - сказано в Указе, - велике політичне та історичне значення об'єднання Української Народної Республіки і Західноукраїнської Народної Республіки для утворення єдиної (соборної) української держави») [10]. Соборность, таким образом, большей частью понимается как синоним национального и государственного единства. Собственно, и в президентском Указе 21 января 1999 г. соборность упомянута в скобках как понятие-двойник термина «единство» (Враховуючі, - сказано в Указе, - велике політичне та історичне значення об'єднання Української Народної Республіки і Західноукраїнської Народної Республіки для утворення єдиної (соборної) української держави). Так его преимущественно понимает и значительная часть современных украинских исследователей. Автор одного из первых, посвященных этой проблематике сборников О.Пискун считает, что идею соборности «треба розуміти... як ідею об'єднання і українських земель, і українців, і тих, хто вважає Україну своєю вітчизною, в єдиній, незалежній державі» [11]. Момент единства подчеркивает и академик НАН Украины Иван Курас, в центре исследований которого часто находилась «ідеологія соборності, тобто єднання, згуртованості, і спільності і історичної долі всіх громадян України» [12]. Другой академик - Валерий Смолий связывает идею соборности с принципом сильной централизованной власти [13].

Несколько особняком стоит подход исследователей, отмечавших определенную дифференциацию подходов к соборности. Так, М.В. Томенко,

отмечает, что существует серьезное различие в понимании соборности между национально-консервативным и национально-демократическим направлениями в политической мысли Украины: тогда как первое «обстоює гасло “самостійної соборної держави” – визначаючі це як унітарний централізований тип держави”, второе “розуміє соборну державу як унітарну децентралізовану” [14]. Другой исследователь - Леонид Шкляр различает две “модели соборности” – “национально-демократическую” и “тоталитарную” и отмечает, что обе они переплелись в украинской политической реальности XX века [15]. Отличие первой от второй по его мнению заключается в том, что “демократична модель здійснюється правовим шляхом і попри об’єднання в єдину державу, вона враховувала й историко-етнографічні особливості регіонів, що утворювали єдиний державний організм” [15], в то время как тоталитарная основывалась на унификации.

История функционирования этого понятия в украинской политической мысли, говорит о том, что дело обстоит сложнее, чем представляется на первый взгляд. И это не удивительно, поскольку понятие единства и в том числе единства государственного знает несколько форм своего воплощения. Федерация и унитарность – это разновидности государственного единства, основанные на различных политико-правовых принципах. Понятие соборности в этом смысле также оставляет простор для дискуссий и нуждается в более четких дефинициях, тем более, что понимание этого феномена не было единым в истории Украинской политической мысли.

AD FONS. СОБОРНІСТЬ В ПРАВОСЛАВНОЇ ЕККЛЕЗИОЛОГІЇ

Для понимания соборности мы должны обратиться к традиции, которая на первый взгляд (но лишь на первый) достаточно далеко отстоит от современной политической науки. Дело в том, что термин «соборность» был позаимствован украинским политическим дискурсом из православной церковно-политической терминологии. Одинадцятий член Символа веры Никейского исповедания предписывает православным веру в «Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». Проблема «соборности» долгое время находилась в центре церковно-политических дискуссий между православием и католичеством. Появление этого термина в украинском контексте неудивительно, поскольку в течение длительного времени проблема политического единства украинских земель была тесно связана с проблемой церковного единства их населения. В частности споры между сторонниками православия и греко-католичества в значительной мере сосредотачивались вокруг разного понимания «соборности» (от греч. кафоличности) церкви (Следует заметить, что В. Соловьев считал этот перевод славянским архаизмом, не вполне соответствующим значению термина «кафоличность», а Н. Бердяев полагал, что понятие соборности адекватно не переводится на иностранные языки) [16].

Если говорить о дискуссиях вокруг понимания самого термина “соборность”, то они получили распространение в 40-е гг. XIX в. в славянофильской литературе. Особая роль в выработке православного понимания соборности в жизни церкви

принадлежала А.С.Хомякову, который противопоставлял формальное, основанное на «праве и принуждении» западное понимание соборности (кафоличности), «мистическому», основанному на принципе «духовно-нравственного общения всех частей и членов церкви между собою и с общим Божественным Главою» [17], характерного, по его мнению, для православия. Такое понимание переносило в понимании соборности акцент с «социального» объединения церкви вокруг какого-либо политического центра (в данном случае папского Рима) на его «духовный» характер не обязательно предполагающий формально-«политическое» единство (как отмечал Флоровский, такое понимание было свойственно и ряду католических богословов, в частности представителю Тюбингенской школы Мелеру, который определял кафоличность как «единство во множестве» [18]). В целом же, как позднее отмечал комментировавший Хомякова Н.А.Бердяев: «Западные христиане, и католики, и протестанты, обыкновенно с трудом понимают, что такое соборность. Соборность, - писал он, - противоположна и католической авторитарности, и протестантскому индивидуализму, она означает коммюнитарность, не знающую внешнего над собой авторитета, но не знающую и индивидуалистического единения и замкнутости» [19]. Позже Хомякова этой темы коснулся Вл. Соловьев, который возражал против понимания «соборности» церкви в смысле управления ее Соборами, а считал «соборность» понятием, означающим «церковь, собранную отовсюду, церковь всеобщую» [20]. Будучи, как известно, сторонником объединения церквей, Соловьев, тем не менее считал совершенно неприемлемым и невозможным их «слияние», разрушение тех историко-культурных форм в котором эти церкви существуют. Таким образом, действительная «соборность» по Соловьеву не тождественна отказу от самобытности, но предполагает некое новое качество, основанное на «высшем синтезе» частей. Свою трактовку «соборности» дал и другой выдающийся православный богослов – С. Булгаков, который определял ее как «многоединство» [21] и считал основой православного понимания церковного единства. В противоположность этому по Булгакову «единство церкви в римском понимании есть единство управления, сосредоточенного в руках папы... духовная монархия, притом централистического типа» [21]. Соборность для Булгакова сама по себе является отрицанием и преодолением бюрократического (духовного или светского) централизма. В своей трактовке соборности, которая, в общем, сегодня разделяется всеми или большинством православных церквей, Булгаков прибегает к культурологическим и политическим терминам и реалиям. «Провинциализм, - пишет он, - может преодолеваться централистическим деспотизмом, государственным и духовным, как это было во времена римской империи в язычестве и римской духовной империи в папстве, или же внутренним естественным сближением народов и национальных церквей, которое совершается в силу естественного процесса. В настоящее время, когда жизнь исторического человечества объединяется неудержимо, это объединение распространяется и на церковную жизнь, в которой осуществляется все в большей мере начало соборности вселенской, и постольку теряется даже относительное значение централизма, как могучего средства объединения» [21]. Булгаков связывал идею соборности с духом свободы «которым только и может дышать современное

человечество. И автокефальность православия, - утверждал он, - взаимная независимость поместных церквей при наличии их духовного единства и связи, соответствует современному духу гораздо больше, нежели римский централизм, подклонить под который все народные церкви становится все более утопичным» [21]. Понятие соборности в православной экклезиологии (учении о церкви) теснейшим образом связано с принципом автокефалии (поместной самостоятельности) и именно в этом пункте существенно отличается от римско-католической традиции.

Разумеется нельзя утверждать, что подобное понимание соборности оказало прямое влияние на украинскую политическую мысль, однако необходимо учитывать и то, что последняя в значительной степени была связана с православным культурным контекстом и распространенное там представление о “соборности” вряд-ли было ей совсем чуждым.

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА УКРАИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XIX – XX ВВ.

К сожалению, ввиду отсутствия специальных исследований, сегодня достаточно трудно сказать у кого из украинских политических мыслителей впервые появляется понятие соборности. Русский исследователь “украинского вопроса” С.Н.Щеголев (1912 г.) связывает его возникновение с именем М.С.Грушевского и относит к самому концу XIX – нач. XX в. [22]. В его трактовке “соборность” появляется как полный синоним понятия “национального ирредентизма”, т.е. грядущего объединения, “собираия” “разделенных украинских земель”. Однако до революционных событий 1917-1918 гг. этот термин используется достаточно редко. Публицисты к. XIX – начала XX века, вплоть до периода революции говорят о единстве в более общем контексте. Юлиан Бачинский в качестве политического лозунга провозглашал идею “Вільної, великої, незалежної, політично самостійної України – одної, нероздільної від Сяну по Кавказ!” [23]. Почти в тех же словах формулировал эту мысль и Н. Михновский: «Одна, єдина, нероздільна, вільна, самостійна Україна від гір Карпатських аж по Кавказьки» [24].

В условиях, когда этнографические территории Украины были разделены между двумя государствами, и их объединение как и достижение независимости маячило в весьма отдаленной перспективе речь вряд-ли могла вестись за пределами общих положений и идей. Идея абстрактного “единства” вполне удовлетворяла писателей и публицистов для которых задача достижения независимости их родины находилась в сфере мечтаний, где-то “по за межами можливого”. Реальная политическая и культурная мозаичность представлялась сторонникам независимости в качестве своего рода “абсолютного зла”, с которым необходимо вести борьбу и в конце концов покончить, но для начала перестать с ним считаться и замечать его.

М. Грушевский, который в отличие от многих своих единомышленников не закрывал глаза на существующие историко-культурные, экономические и социальные отличия различных украинских территорий друг от друга все же считал

региональное разнообразие Украины безусловно отрицательным ресурсом в ходе достижения национального единства:

“Треба пам’ятати, - писав він, возражая своим оппонентам, - що російська Україна, так само як і Галичина, тільки ще в далеко більшій мірі, не становить вповні однорідного комплексу. І тут, завдяки історичним і всяким іншим обставинам, бачимо досить значні відміни в житті, в мові, в усіяких відносинах між правобічною й лівобічною Україною, між хліборобською Херсонщиною й фабричною Катеринославщиною або козацькою Кубанщиною. Зійти з всеукраїнського становища, іти далі тою ж дорогою, якою відмежовують тепер “галичанщину” від “українщини”, грати в дуду провінціалізмів, булоб великою тактичною помилкою. Національна тактика наказує органічною роботою зводити до спільного знаменника все багатство українських діалектів і всю різнорідність українського життя. Ставити ж літературній мові вимоги, аби вона трималася тих взірців, як люди говорять в даній губернії або певній частині її, значило б розбити Україну на атоми, звести національну одність до етнографічної дріб’язковості, пересунути еволюцію нашої літературної мови на півстоліття назад або й більше. Люди, яким не потрібний сильніший розвій українства, хапаються тих відмін, витворених на нашій національній тілі чужими впливами та зверхніми обставинами, і поняття одноцільної української території й її автономії підмінюють поняттям краю, області та з української території викроюють обласні автономії. Але в інтересах українського національного розвою в теперешній стадії лежить власне концентрація всіх національних сил, а для того – всіх частей української території. Треба розвивати в них почуття єдності, солідарності, близькості, а не роздмухувати ріжниці, які їх ділять і які при таким роздмухуванні можуть привести до повного відокремлення, культурного і національного, ріжних частей української землі...” [25].

Иван Франко выдвигал перед галицийской молодежью задачу преодоления любого «регионального партикуляризма»: «Ми мусимо навчитися чути себе українцями – не галицькими, не буковинськими українцями, а українцями без офіціальних кордонів» [26].

В украинской мысли дореволюционного периода господствовало представление о том, что региональные различия являются лишь следствием посторонних влияний, а в своей основе эта территория представляет некое “органическое единство”. Грушевскому собственно и принадлежит мысль о существовании некой изначальной “украинскости”, общей и для Востока и для Запада.

С другой стороны, Грушевский конечно вполне отдавал себе отчет в том, что в период после 1863 и особенно 1876 гг. украинское культурное движение не замерло окончательно именно в результате «посторонних влияний» и исторических обстоятельств, приведших к разделению украинской территории и появлению феномена, который сам Грушевский называл «Украинским Пьемонтом» [27]. Мечта о единстве Украины и ее культурно-политической идентичности нередко сохранялась именно вследствие сильной регионализации последней. Однако для Грушевского это скорее оставалось прискорбным обстоятельством “несчастной”

исторической судьбы Украины и в 1906 году он настойчиво развивает мысль о грядущей необходимости “украинизации” Галиции, более или менее полного “слития” ее с “остальной Украиной”, путем поглощения большей частью меньшей (Эта позиция Грушевского, которая особенно укрепилась после Революции 1905-07 гг. стала одной из причин его конфликта с руководством львовской Просвиты и вызвало его стремление перебраться в российскую часть Украины, которое он смог осуществить лишь после октябрьской Революции). Примерно об этом же писал и И.Франко. В полемике различных политических сил в Галиции в первом десятилетии XX века одним из существенных обвинений, которые выдвигались “националистами “ ”москвофилам” было обвинение не столько в их культурной ориентации на Россию, сколько в “галицко-русинском партикуляризме”. Поэтому наиболее радикальные сторонники “украинства” как тот же Франко жестко критиковали малейшие проявления галицийского “провинциального патриотизма” и в особенности попытки галицийских политических и культурных кругов свысока смотреть на российских украинцев и высмеивал их ложное цивилизационное миссионерство.

СУДЬБА “СОБОРНОСТИ” В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ

Активное внедрение термина “соборность”, как синонима единства, в украинский политический дискурс мы, по-видимому должны отнести к эпохе революции 1917-18 гг., когда в результате крушения двух империй Российской и Австро-Венгерской, от политических лозунгов и теоретических заявлений украинская политическая элита впервые получила возможность перейти к реальным действиям по объединению частей будущего государства. Не случайно понятие “соборность” появляется рядом с понятием единства, как его детализация, расшифровка именно в этот момент, ибо оно отражало стремление решить реальную задачу, которая со всей определенностью вставала перед тогдашним украинским обществом. К сожалению, нынешнее состояние исследований не позволяет проследить генезис самого понятия “соборности” в украинском политическом контексте. Можно предположить, что оно возникло в кругах галицийской элиты, которой собственно и принадлежала в 1918 г. идея практического соединения двух частей Украины.

Распад Австро-Венгрии в результате ее поражения в первой мировой войне привело к созданию в ноябре 1918 г. Западно-Украинской народной республики (ЗУНР), руководство и население которой выступали за создание единого украинского государства. Тем не менее, западные украинцы воздержались от немедленного соединения с Державой гетмана Скоропадского. Лишь, когда территория ЗУНР оказалась под угрозой захвата польскими войсками, а гетманская власть в Большой Украине была ликвидирована в ходе петлюровского восстания и воссоздана Украинская народная республика решение задачи объединения вошло в практическую плоскость. 24 ноября правительство ЗУНР постановило начать переговоры с Директорией по объединению с Украинской Народной Республикой. Результатом переговоров стало подписание 1 декабря 1918 г. в Фастове т.н.

Предварительного (Предвступного) договора о будущем объединении двух суверенных украинских государств в одну государственную единицу [28]. Фастовский договор положил начало процессу объединения, который должен был завершиться специальным решением Всеукраїнських Установчих Зборів, которые планировалось созвать после окончания боевых действий. Пока де-факто оба государства сохраняли свои органы власти, вооруженные силы и вели самостоятельную политику. Договор был ратифицирован западно-украинским парламентом – Украинской Народной радой 3 января в Станиславе, куда вынуждены были перебраться государственные органы ЗУНР под натиском поляков. Ратификация со стороны УНР должна была произойти на Трудовом конгрессе Украины в Киеве, куда выезжала представительная западно-украинская делегация. Ночью с 21 на 22 января совместное заседание Совета народных министров УНР и делегация ЗУНР единогласно постановили одобрить соединение двух республик. 22 января 1919 г. в Киеве состоялся торжественный праздник объединения, который с тех пор воспринимается как важная веха на пути становления Украины как государства. Злука, однако, не означала механического слияния двух украинских макрорегионов. Объявив о соединении, они де-факто оставались самостоятельными государственными единицами с собственными правительствами, парламентами и армиями. Но и в перспективе, когда планируемое объединение должно было завершиться, Западная область или край Украины должен был сохранить свою автономию, а сама объединенная Украина мыслилась не как унитарное, а как федеративное государство. Принято считать, что «региональный патриотизм» явился одной из причин поражения движения за независимость в этот период, однако вряд ли его питали только ложные партикулярные амбиции лидеров двух Украин. Реальные различия между западом и востоком были слишком сильны для того, чтобы их можно было механически преодолеть даже перед лицом внешней угрозы. Скорее больший вред делу независимости нанесли попытки достижения насильственного единства. Анализ соответствующих документов позволяет говорить о том, что понятие соборности, так как оно мыслилось его идеологами в 20-е годы XX века, предполагало не механическое объединение, не просто абстрактное единство, но единство, учитывающее и предполагающее региональное разнообразие. И хотя мы не можем сказать, что этот подход был типичным в среде украинской политической элиты того времени, вряд ли сегодня можно поставить в вину его немногочисленным приверженцам то, что их замысел не был реализован в неблагоприятных условиях гражданской войны.

ПРОБЛЕМА СОБОРНОСТИ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Внешние угрозы были не единственной причиной провала попыток утверждения независимой государственности Украины и достижения единства ее различных территорий. После революции появилось немало попыток осмыслить как отрицательный опыт достижения «соборности», так и существо самого этого понятия. При этом, наряду с подходом, характерным, скажем, для идеологических

документов ОУН, которые рассматривали «соборность» в контексте жестко-унитарного централизма, рядом выдающихся представителей национальной политической мысли, высказывались и иные соображения. В частности - о том, что украинская национальная элита слишком упрощенно понимала стоящую перед ней задачу, не учитывая реальных трудностей в достижении соборности и известной противоречивости самого характера этого процесса. Так в 20-е годы В.Липинский писал: «Ріжні модні тепер у нас споби механічного об'єднання України при допомозі «соборних» словесних декларацій тільки підкреслюють... різниці і кінчаються збільшенням взаємного недовіря і взаємного нерозуміння. Ще більшою катастрофою, - підкреслював он, - може скінчитись культурна централізація України поліційними засобами, в роді «українізації» галичанами в 1919 р. вивісок київського Балабухи (відома київська фірма). Соборність може бути досягнена тільки гармонійним взаємним перехреснуванням двох сил: доосередкової сили – матеріально і морально авторитетної, єдиної і сверхнаціональної – центральної державної Влади, і видосередкової сили як найширших автономій поодиноких українських країв, спаяних в єдину цілість цією сильною державною владою. Тільки при існуванні цих двох сил – коли всіх українських людей буде притягати одна спільна столиця маєстатичністю і силою державної української Влади, і коли вони туди будуть привозити свої провінційальні культурні окремішності, плекані в поодиноких краях, а звідтам вивозити знайомість українських людей інших провінційальних культур – може наступити взаємне пізнання українців, без якого всі «соборности» будуть лише порожнім звуком» [29]. Однако, так же как и абстрактные представления о единстве украинских территорий, которые высказывались в конце XIX – начале XX вв., отрефлектированная через призму опыта революции и гражданской войны идея соборности осталась в большей мере теоретическим конструктом, всю меру несовпадения которого с реальностью еще предстояло осознать, особенно ввиду того, что реальная, механическая соборность Украины все же была осуществлена Советским Союзом в 1939 и 1944-45 годах.

СОБОРНОСТЬ УКРАИНЫ В НОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Дискуссии о принципах территориального и национального единства Украины вновь вспыхнули в конце 80-х – нач. 90-х годов, в период обретения Украиной государственной независимости. Политическую актуальность в связи с этим вновь приобрело и понятие соборности, возникшее в украинском политическом контексте в начале XX века. Любопытно, что не идея формальной политической независимости, а именно идея «соборности», единства стала поводом и идейным основанием первой и в общем-то единственной по-настоящему крупной массовой акции, организованной национал-демократическими силами Украины еще до распада Советского Союза. 22 января 1989 г. по призыву народного Руха за Перестройку и других организаций, выступавших под лозунгом независимости Украины множество людей выстроились в живую цепь между Киевом и Львовом в память события, которое произошло 70 лет назад, в день провозглашения Акта Злуки. Почему же вновь потребовалось демонстрировать единство?

С одной стороны, это безусловно было своеобразным эвфемизмом требования независимости, поскольку таким образом сторонники этой идеи выразили солидарность с Галицией, где эти требования звучали открыто. Однако это означало и то, что проблема единства Украины все еще сохраняет актуальность, (при том, что, несомненно, смысл ее изменился) и дальнейшая история независимой Украины подтвердила это.

Некоторые “прокоммунистические” издания того времени иронизировали над тем, что “живая цепь” не во всех местах была состыкована, однако, дело было не в этом, а в том, что к этому моменту Украина уже находилась в “собранном” виде в течении полувека, причем Национально-демократические силы прошлого к этому не имели никакого отношения. По иронии судьбы реальную “злуку” украинских земель через 20 лет после нереализованного Акта Злуки УНР и ЗУНР осуществил сталинский Советский Союз - объект острейшей критики новых украинских национал-демократов. Но не смотря на большие усилия, которые были затрачены советским руководством для унификации обеих частей Украины, их особенности сохранялись и с ослаблением советского стягивающего обруча вновь расцвели пышным цветом, став теперь проблемой для нового украинского государства, получившего независимость в 1991 году.

Реальное, фактически существующее политическое единство украинских земель и их культурные отличия были однако не единственным обстоятельством, которое свидетельствовало о глубоких изменениях всего контекста в котором теперь стала рассматривается проблема украинской соборности.

Вторым важнейшим фактором было то, что в результате крупных исторических сдвигов второй половины XX в. изменилась то, что можно назвать конфигурацией “украинского исторического пространства”. В начале XX в. соборность рассматривалась и осуществлялась прежде всего в этническом контексте, как идея “собираания” украинских (т.е. населенных украинцами) земель, как идея объединения украинского этноса. Теперь этнические украинские территории были формально едины (за исключением тех, территорий, которые остались в составе Польши и с которых украинцы были фактически насильственно депортированы, а также в Приднестровье и на Кубани), зато в составе Украины за это время появились территории с высокой долей этнически неукраинского населения (Крым, ряд территорий Донбасса, то же Закарпатье с ее венгерским и Северная Буковина с румынским меньшинством). Распад СССР породил у многих представителей населения этих территорий тревогу за свое будущее. В начале 90-х годов в разных местах Украины зародились и получили широкое развитие, автономистские, федералистские движения, кое-где зазвучали и сепаратистские лозунги. Это обстоятельство поставило перед строителями нового украинского государства задачу определения места этих общностей и территорий в составе Украины, обеспечение гарантий их свободного демократического развития. Это породило новые смыслы в понимании проблемы соборности, которые стали активно обсуждаться в обществе. Сегодня проблема соборности как единства этнических украинских земель трансформируется в проблему единства многонациональных регионов Украинского государства. Наряду с «этно-национальным» измерением

проблемы, в ней, таким образом, появляется новое содержание, которое нередко вступает в конфликт с прежним, традиционным.

Третьим обстоятельством, важным для понимания этих проблем, оказался международный контекст в котором сегодня находится украинское государство. Идеи независимости в конце XX в., и в этом их существенное отличие от подходов, характерных для начала столетия, оказались теснейшим образом связанными с идеями общеевропейской интеграции, приобщения к стандартам западной демократии. В этом контексте новое значение приобрела проблематика внутригосударственного регионализма и федерализма. В Европе конца XX в. децентрализация, федерализм и регионализм стали важнейшими измерениями развития и интеграции. Движение в этом смысле в сторону Европы и Запада в целом не представляется возможным без учета этого вектора европейской жизни. С другой стороны, Советский Союз воспринимался на этом фоне как цитадель гиперцентрализма, подавляющая интересы национального и регионального развития. Именно вследствие этого интересы национального строительства Украины и обретения ею государственной независимости оказываются переплетенными с интересами внутренней регионализации и децентрализации. Демократия в конце XX в. оказывается тесно связанной с интересами глобальной децентрализации, Украина же наследует от СССР жестко-централистскую модель управления, без реформирования которой становится немислимым ее движение к современному типу цивилизации.

Пятьдесят лет советского государственного единства не сделали Украину однородным целым. С распадом СССР оказалось, что исторические регионы живы, их население и элиты имеют собственные взгляды на будущее своё и государства.

Когда-то В. Винниченко написал, что украинская революция начала века поставила проблему “телесного” объединения Украины, в то время как “душой” обе ее части были уже слиты. На этот раз ситуация была как бы противоположной. Де-факто Украина уже давно существует как единое пространство, однако внутреннего единства (или, скорее гомогенности) украинского общества, всех его региональных и этнических составляющих как раз и не наблюдается. Проблема соборности сегодня стоит не так, как она стояла в начале XX века, сегодня это не проблема “собираания” географического материала для создания здания украинского государства, а проблема архитектуры этого здания, проблема его внутреннего обустройства.

Новые обстоятельства, наложившиеся на традиционное региональное разнообразие Украины породили (точнее на наших глазах порождают) большие споры и приводят к появлению различных точек зрения как на региональную политику в новом украинском государстве, так и на понимание самого принципа государственного единства.

Следует сказать, что эти точки зрения сменяют господствующую еще недавно в политических и академических кругах позицию, которая была основана на игнорировании этой проблематики и на культивировании взгляда на Украину как бы поверх нее.

Прежде всего следует отметить совокупность взглядов, на место регионов и региональных особенностей в жизни государства, основанных на традиционной “национальной” точке зрения. В ее основе лежит представление сформулированное украинскими публицистами к. XIX – нач. XX в. в соответствии с которым региональный “партикуляризм”: а) представляет собой “антипод” соборности, б) является неким пережитком “колониального” положения Украины в прошлом, и в) несет опасность становлению новой, независимой державы.

Сегодня, возможно наиболее ярко в рамках своей концепции “Двух Украин” выражает это представление М. Рябчук. Для него реальные региональные идентичности, свойственные населению различных частей Украины есть лишь проявление застарелой “национальной бессознательности”: “В большинстве случаев, - пишет он, - на сегодняшний день значительная часть украинского населения идентифицирует себя как “местные”... По всем признакам это – психология сугубо средневекового этноса, который будто и не пережил еще “эпохи национализма”... По моим приблизительным оценкам лишь треть населения Украины имеет четкое национальное самосознание и однозначно идентифицирует себя с украинской политической нацией. Две трети – это не россияне и не украинцы, это “местные”, это люди, которые пока еще находятся на донациональном (и доисторическом – если речь идет о новейшей истории) уровне развития. Потенциально они могут стать и россиянами и украинцами, и даже гражданами Киевской Руси, а могут и сотворит-сколотить какую-то свою донбасскую, херсонскую или криворожскую нацию (наподобие “крымской”, которая похоже, творится на наших глазах)” [30]. Такое печальное по Рябчуку положение дел конечно является следствием “колониального положения” Украины в прошлом. “Колониальная власть” также повинна в том, что между Западом и Востоком Украины существуют известные отличия и определенное непонимание, которое Рябчук, сам выходец с Запада описывает как “ненависть, которой зарядили их (восточных украинцев – А.М.) колонизаторы” по отношению к Западной Украине. В противоположность этому Запад по Рябчуку выглядит настоящим оплотом “истинного украинства”, а западные украинцы – “наиболее стойкими в своей украинской идентичности и невосприимчивыми к прививкам отрицательного автостереотипа”. Именно в этом пункте Рябчук покидает почву классического общеукраинского национализма в духе Грушевского и странным образом оказывается защитником того же явления, которое в другом случае только что заклеймил как средневековый атавизм. Галицийский вариант “регионального партикуляризма” им оправдывается, поскольку именно он и сохраняет в неприкосновенности и чистоте, то, что Рябчук считает “украинским национальным началом”.

Это представление можно было бы назвать второй точкой зрения на проблему региональности и единства Украины. Она заключается в том, что во главу угла ставится безусловное единство, но это единство должно осуществляться по образцам и стереотипам, вырабатываемым (или выработанным) в западноукраинских регионах и желательно элитой этих регионов (допускается также участие диаспоры). Этот своеобразный проект достижения

“партикуляризированного” единства также не нов в политическом сознании Украины, в истории которой бывали моменты, когда идея единства становилась исключительным достоянием части, а не целого. Следует сказать, что сегодня она с большим трудом воспринимается в других регионах государства, действительно вызывая чувства, близкие к тем, которые описал М. Рябчук и обвинения в стремлении одного из регионов страны монополизировать представление о ее целостности (Показательно в этом отношении мнение В.Г. Кременя: “...утверждения державності України можливо тільки при знаходженні спільних цінностей населення всіх регіонів і одночасному врахуванні на регіональному рівні особливостей. Намагаються будувати державу, орієнтуючись на традиції якоїсь однієї частини території загрожує цілісності самої України, робить неможливою її соборність” [31]).

Кроме этого, сегодня представление о существовании и роли “Украинского Пьемонта” в лице одного из регионов Украины, все меньше ассоциируется с унитаризмом. Все чаще, напротив, в западноукраинской прессе высказываются мысли о существенном несоответствии в направленности и темпах движения, которые демонстрирует Восток и Запад украинского государства и выражается предложение ослабить существующую административную связку между ними за счет усиления федералистских тенденций.

Украинский федерализм (который, впрочем, теоретически недостаточно развит) представляет третью точку зрения на территориально-политическую организацию государства. Эта точка зрения зародилась на Западе в условиях, когда Украина еще являлась частью СССР и нашла выражение в знаменитом предложении лидера национальной оппозиции В.Черновола перейти в дальнейшем к земельной форме организации государства, напоминающей немецкую. В дальнейшем Черновил отошел от развития и осуществления этих предложений, они нашли удобную почву скорее на Востоке и Юге страны, пока не сошли практически на нет во второй половине 90-х. Теперь мы наблюдаем возрождение украинского федерализма, и снова в его авангарде выступает украинский Запад, который в лице своей политической элиты недоволен слишком медленной по ее мнению интеграции страны в Европу и, напротив, наметившемся более тесному сближению с Востоком, прежде всего Россией и СНГ [32].

Наконец совсем недавно была высказана еще одна точка зрения на проблему регионального развития Украины и целостности государства. Важность этой точки зрения подчеркивается тем обстоятельством, что она принадлежит главе украинского государства, который выразил ее в своей книге “Украина - не Россия”, где посвятил этой проблематике специальную главу “Соборная или федералистская”. Уже само по себе это противопоставление может считаться весьма характерным для современного украинского подхода к проблеме, где сохраняется двойственность в отношении регионального разнообразия страны. Однако, возможно впервые в государственном сознании региональное разнообразие здесь оценивается не как отрицательный, а как положительный ресурс. Автор рисует картину регионального многообразия Украины, которое сближает ее с Европой: “Украина словно бы соткана из отчетливо разных исторических областей. У каждой

свой облик, их не перепутаешь. Для равнодушных и недругов это лоскутное одеяло, для тех, кто любит Украину – исполненный глубокого смысла и красоты узор. Украине в этом отношении близка Польша с ее Великопольшей, Малопольшей, Силезией, Мазурами, Поморьем, Подляшьем, Поозерьем, Бескидами, Розточе, Мазовше. Близка Испания, состоящая из Каталонии, Валенсии, Страны Басков, Галисии, Эстремадуры, Ламанчи, Старой и Новой Кастилии, Астурии, Андалусии, Арагона, Мурсии, Наварры, Леона. Близка, собственно, любая европейская страна достаточных размеров, потому, что она обязательно делится – официально или неофициально (как Франция) – на исторические области с романтично звучащими названиями” [33].

С другой стороны весь этот “евроромантизм” оборачивается в свою противоположность, когда автор размышляет над проблемами территориальной целостности государства. Очевидное региональное разнообразие воспринимается по его мнению “некоторыми теоретиками как приглашение к переустройству страны на федеративных началах”, что таит в себе потенциальную опасность дезинтеграции страны. На этом основании, считает президент, федерализм (который традиционно рассматривается в украинских академических и политических кругах исключительно как следствие многоэтничности тех или иных государств) неприемлем для Украины. Тем не менее региональное разнообразие Украины признается, более того, проводится параллель с европейским миром, где регионы являются не только географическими, но и культурно-политическими явлениями, субъектами внутригосударственной политической жизни. Соборность противопоставляется федерализму, но также, очевидно не отождествляется как это было ранее, в первые годы украинской независимости с жестким унитаризмом. (Вообще антитеза унитаризм - федерализм с её отождествлением первого компонента с соборностью, а второго с распадом, в последнее время уступает место другой: унитарное централизованное государство – унитарное децентрализованное государство, что, безусловно, знаменует собой известное изменение в понимании “соборности”).

Не смотря на то, что какая либо позитивная программа относительно регионального развития в данном труде не намечена, несомненно, подобное представление о роли регионов и их месте в жизни Украины в определенной мере сказывается на реальной политике государства, в частности его элементы заметны в проекте политической реформы.

В целом же необходимо сказать, что сегодня мы напрасно стали бы искать академические труды в которых проблемы украинского регионализма, единства и соборности получили всестороннее отражение. Гораздо более распространено двойственное отношение к проблеме места регионализма в политической жизни современной Украины, что тождественно отсутствию более или менее четкого представления об этом месте. Не случайно один из авторов сборника, посвященного Соборности, описывает эту ситуацию как «парадоксальную» [34], действительно она может считаться одним из отражений явления, которое вполне можно назвать своеобразным “украинским парадоксом”.

«УКРАИНСКИЙ ПАРАДОКС»

Как уже было сказано региональное измерение играет исключительно важную роль в современной политической, экономической и культурной жизни Украины. Это объясняется тем, что исторические регионы этого государства сформировались раньше, чем появилось само украинское государство и, не смотря на все изменения в недавнем прошлом, они представляют собой вполне определенные целостности, создающие современную Украину.

Более того, прежде чем стать независимым государством, Украина, (т.е. большая ее часть) сама была регионом более обширных государств - сначала Российской империи, а затем Советского Союза. Эта «региональность» наложила отпечаток на все сферы интеллектуальной, политической, хозяйственной жизни этого государства сегодня. Политическое движение за обретение Украиной независимости начиналось как движение регионалистское и долго не выходило за рамки федералистских требований [6]. Регионализмом в его различных формах пронизана вся жизнь Украины.

Именно поэтому региональное измерение представляет не просто один из аспектов «образа Украины», но является едва ли не центральным моментом ее существования. Особенно важным это представляется в контексте заявленного руководством «европейского выбора» Украины. Децентрализация и регионализация составляет один из существенных аспектов этого процесса не только в Украине. Перестройка и распад Союза вызвали к жизни возникновение разного рода движений за повышение статуса и развитие регионов в различных местах СССР, что являлось неотъемлемой частью общих процессов демократизации, высвобождения творческой энергии территорий. Не осталась в стороне от этого процесса и Украина, где исторические регионы со своими особенностями, региональные элиты, региональные традиции всегда играли чрезвычайно большую роль.

Тем не менее, до сих пор регионалистские устремления не нашли адекватного отклика в центральном украинском истеблишменте. То же самое можно сказать и относительно места этой проблематики в научных исследованиях. Рассмотрение основных тенденций, характерных для обсуждения проблематики развития регионов и роли и места регионального измерения политической, экономической и культурной жизни современной Украины с одной стороны и реального места, роли регионов в этой жизни показывает, что, не смотря на то, что эта проблематика находит известное отражение в научном дискурсе Украины, уровень ее понимания и рассмотрения все еще не соответствует важности этого комплекса проблем для государства (И.Курас и В.Солдатенко совершенно справедливо отмечают, что: “Що до проблеми ... регіоналізму, то вона і сьогодні залишається практично terra incognita. За рідкісним винятком ця тема навіть не порушується”). Это в полной мере отражает политическую ситуацию.

В противоположность очевидной значимости регионального аспекта политической и экономической жизни государства, политика государственного центра была и пока еще остается крайне унитаристской, что находит отражение в

Конституции Украины и текущем законодательстве. Это явление я позволю себе назвать своеобразным «украинским парадоксом».

Он не только создает большое напряжение в политической жизни украинского государства, но и наряду с другими явлениями, затрудняющими процессы экономической и политической модернизации украинского общества, препятствует его движению в Европу и вообще обретению Украиной достойного места в современном мире.

ЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ И УКРАИНА

Говоря о европейских перспективах Украины мы не можем не обратить внимание на современные тенденции в развитии европейских государств, которые в значительной мере определяют жизнь того организма, в который в перспективе намеревается интегрироваться Украина. Это регионализм и децентрализация с одной стороны и евроинтеграция с другой. Регионализм и порожденный им процесс децентрализации государственных институтов стал активным фактором европейской политической жизни в 70-х годах XX в. До 90-х годов регионализм был фактически оппозиционным движением, которое, однако, играло чрезвычайно важную роль в жизни европейских стран. Особенно велико значение регионалистских движений в преодолении посттоталитарного наследия в политической жизни послевоенной Европы. Разделяя и развивая концепцию интегрального или глобального федерализма, регионалисты выступили с идеей о растущей бюрократизации и неэффективности централизованного государства. Фактически регионализм стал важнейшей формой борьбы за демократию в европейских государствах, выступив против бюрократических послевоенных режимов и поставив в повестку дня вопрос о кардинальном преобразовании национального государства (или нации-государства), приближении его политических структур к обществу и человеку. В основе регионализма лежало важнейшее требование демократии – достижение локального самоуправления на уровне регионов, городов, сельских общин и т.д. Появление регионализма знаменовало собой важный этап кризиса национального государства – колыбели национализма, ставшего в свою очередь источником двух мировых войн. Развиваясь на основе исторических регионов с их культурными, языковыми, историческими и экономическими особенностями, регионалистские движения во многих европейских странах привели к серьезным структурным изменениям в системе распределения государственной власти. Во многих странах произошла политическая децентрализация, которая шла параллельно модернизации и играла важную роль в этом процессе. Уступки регионализму со стороны центральных правительств европейских государств позволили во многих странах решить проблемы государственной целостности и достижения внутринационального согласия, как это было, например, в Испании, где переход к модели государства регионов позволил преодолеть авторитарное наследие режима Ф. Франко и сохранить единство государства, включающего в себя самобытные провинции, отношение которых к центральной власти было весьма сложным. Регионализм знаменовал собой

вовлечение в политическую и культурную жизнь, пространств и людей, которые традиционно находились на периферии не только своих государств, но и собственного развития. Многие западные исследователи трактуют регионализм как «восстание провинции», которая более не желает мириться со своим второстепенным положением в национальном государстве и требует равенства ролей.

Невозможно переоценить роль регионализма и в современных процессах евроинтеграции. Европейский федерализм, получивший развитие после второй мировой войны был не просто движением за объединение существующих национальных государств Европы, это было движение прежде всего за введение принципов субсидиарности в политическую жизнь европейского континента. Другими словами, объединение Европы мыслилось политическими деятелями послевоенной Европы прежде всего как результат децентрализации европейских государств. В этом качестве оно знаменовало собой отказ от абсолюта нации-государства, которое должно прийти к союзу с такими же государствами, отдав часть своих полномочий «наверх» в общеевропейские структуры и «вниз» в структуры регионального и местного самоуправления. Не случайно на этапе образования общеевропейских структур приобрел большую популярность лозунг «Объединенная Европа будет Европой регионов, а не национальных государств». Таким образом, в культурно-историческом смысле Европа как бы возвращалась к своим истокам и базовым ценностям, продолжавшим веками жить и сохраняться в небольших локальных мирах. Размещение европейских структур в главном городе Эльзаса - Страсбурге, было символическим актом, который не только знаменовал собой историческое примирение двух противников – Франции и Германии в отношениях, которых этот район всегда выступал камнем преткновения, но и был данью регионализму и роли самобытных регионов Европы в деле европейского объединения.

Знаменитый американский социолог Э. Тоффлер объясняет этот феномен глубокими изменениями в характере производства, произошедшими за последнее время: «Эпохе массовой демократии, - пишет он о ситуации характерной для индустриального общества, - была свойственна ... огромная концентрация власти на уровне государства. Такая концентрация отражала развитие технологии массового производства и рост национальных рынков. Сегодня с появлением мелкосерийных технологий положение меняется. ... Вместе с тем передовая экономика переместила другие формы производства на мировой уровень. Автомобили, компьютеры и многие другие изделия отныне уже не производятся в одной единственной стране, а нуждаются в комплектующих из разных стран, где также осуществляется их сборка. Происходящие перемены содействуют то росту производства, то его падению, и это находит прямые аналогии в политике. Все это вместе взятое показывает, почему во всех высокоразвитых странах...мы наблюдаем необходимость политической децентрализации и одновременно попытки передать власть наверх – наднациональным органам. ... Вопреки общепринятому мнению регионы и местности отнюдь не становятся единообразными, а стремятся всячески подчеркнуть имеющиеся различия... Эти различия скорее будут углубляться, чем

стираться под воздействием новой экономики, которая выступает против однородности, провозглашенной в эпоху «фабричных труб». ...В то время как регионы и местности укрепляют свойственные только им культурные, экономические и политические особенности, правительствам становится все труднее управлять ими, применяя традиционные методы: централизованное государственное регулирование, налогообложение и финансовый контроль [35].

Поэтому вместе с процессами создания общеевропейских структур мы видим сегодня и масштабную децентрализацию государственной власти в европейских странах, которые многие исследователи и политики окрестили даже феноменом кризиса национального государства как такового. Как указывает тот же Тоффлер: «как раз когда Европейское Сообщество предпринимает решительные попытки сгладить различия и сконцентрировать принятие решений в сферах политики и экономики, многие страны пользуются этим наступлением сверху на государственную власть и осуществляют атаки снизу. «Единый европейский рынок, - говорит Жан Шемен, руководитель управления экономического развития зоны вокруг Лиона во Франции, - предоставляет нам великолепную возможность избавиться от централизованной в Париже власти» [35].

Связь между экономическим развитием, демократизацией и политической и экономической децентрализацией специально анализировали авторы Бизнес Уик. В статье, написанной для русскоязычного издания этого авторитетного журнала еще в 1994 г. на основе исследований экономических показателей наиболее развитых европейских стран и Америки утверждалось: «Только децентрализация, схожая с политикой федерализма, в свое время обусловившей стремительный экономический подъем Америки, способна обеспечить и развитие экономики и доподлинно демократическую реформу государственной системы» [36]. Способность децентрализации придавать мощный импульс экономике доказывается примером из эпохи индустриальной революции в Великобритании в XVII в., которая «произошла в «новых» городах севера, таких как Бирмингем и Манчестер, где накануне Славной Революции 1688 г. действовало более мягкое законодательство, чем в старых финансовых центрах вроде Лондона, а в США стимулом для быстрого экономического роста отчасти стала федеральная система, «обеспечивающая каждому штату правовую самостоятельность» [36]. Как считает профессор института Гувера Б. Вейнгафт федерализм способен стать своеобразным «гарантом рынка» и сегодня, ограничивая до определенной степени вмешательство политической власти в рыночную экономику. «При федералистской системе, - утверждает он, - административные единицы и регионы превращаются в «конкурентов», и, если в одном регионе условия оказываются неблагоприятными, люди переезжают в другой» [36]. Даже в высокоразвитых странах с традиционной демократией федерализм сегодня «обретает второе дыхание». В США, например, где как утверждают авторы, «уровень федерализма ныне гораздо ниже, чем на раннем этапе их развития» влиятельные эксперты высказываются в пользу предоставления большей самостоятельности регионам, что должно позволить решить многие проблемы на местах. «Экономист Э. Ривлен, заместитель главы бюджетного департамента в администрации Клинтона, сделала первый шаг на пути

к федеративной форме распределения налоговых поступлений, позволив федеральным властям передать более широкие полномочия штатам в области расходования средств. А в Италии Лига Ломбардии, которая пользуется все большей поддержкой у населения благодаря своим призывам покончить с массовой перекачкой доходов из процветающего севера в более бедные южные регионы страны, выступает за федералистскую систему, предусматривающую политическую и экономическую децентрализацию» [36].

Проблема интеграции Украины в Европу также ставит в повестку дня интересы регионального развития. Дело в том, что евроинтеграция – это не просто процесс сближения экономик европейских государств и их политических систем, это сближение цивилизационных основ во многом различных стран и народов. Качественная евроинтеграция восточно-европейских государств вообще не может осуществляться бюрократическими способами – решением центральных правительств и парламентов. Проблема сближения Украины и Европы – это прежде всего проблема развития локальной демократии и культуры. В этом смысле евроинтеграция – это сугубо «низовой» процесс, где развитие местного самоуправления, локального благоустройства, региональной культуры значит гораздо больше, чем все решения принятые на «высшем», межгосударственном уровне. Можно даже сказать, что Украина как государство во в специальном значении этого слова вообще не может быть никуда интегрирована, интеграция возможна лишь для Украины лишь как для страны, т.е. как для определенного местообитания конкретных людей. Это означает, что судьба Украины как европейского государства будет решаться не только и не столько в Киеве, сколько в регионах, и, что Украина как европейское государство может состояться лишь на локальном, местном уровне.

С сожалением приходится констатировать, что украинский истеблишмент, в особенности киевский все еще далек от всестороннего понимания этих проблем. Десятилетие, прошедшее с момента обретения Украиной государственной независимости стало временем усиления бюрократизации, государственной централизации и подавления локальных автономистских устремлений (Следует отметить точку зрения согласно которой украинский и европейский регионализм представляют собой в корне различные явления. Например И. Курас и В. Солдатенко отмечают: «В Європі, Північній Америці успішно діє регіоналізм співробітництва, у нас в абсолютному варіанті він може нині виявити себе лише як регіоналізм конфліктний, відцентровий») [6]. Ныне действующая конституция государства закрепляет его унитарный характер в полном противоречии с историческим наследием Украины. Неудивительно, что и результаты в сфере евроинтеграции оказываются более чем скромными. Они будут оставаться такими, пока в этот процесс не будут включены самобытные регионы и пока последние не получают возможности для политической, экономической и культурной самореализации. В этой связи нельзя не согласиться с мыслью, высказанной Л.Шклярюм, который считает, что «апелюючи до сучасних проблем, заслуговують на увагу думки тих науковців, яки вважають нинішній адміністративно-територіальний поділ України далеким від досконалості. Адже він не достатньо

враховує историко–етнографічні та економіко-географічні особливості України... Очевидно є рація більш уважно вивчити досвід «Європи регіонів» [37] ... Оптимизм в этом плане внушает также и то, что украинское политическое сознание имеет в своем арсенале такой серьезный и уникальный концепт как идея соборности, осмысление которого и придание ему современного содержания должно помочь выработке оптимального пути Украины в современный мир.

Литература

1. Рябчук М. Дві України: реальні межі, віртуальні війни. - К., 2003, с.11
2. Шкляр Л. Моделі соборності (історичний досвід і сучасні аспекти) // Українська соборність. Ідея, досвід, проблеми (До 80-річчя Акту Злуки 22 січня 1919 р.). К., 1999, с. 392
3. Украина и Россия: общества и государства / Ред.-составитель Д.Е. Фурман. М, 1997
4. Курас І. Регіональна політика як фактор стабілізації соціально-політичної ситуації, збереження єдності та територіальної цілісності України// Проблеми соборності України в ХХ столітті. К., 1994
5. Регіоналізм: історичний досвід, сучасні виміри // Проблеми соборності України в ХХ столітті. К., 1994. - с. 286-294;
6. Курас І., Солдатенко В. Соборництво і регіоналізм в українському державотворенні (1917-20 рр.). - К., 2001
7. Вірменіч Я. Теоретично-методолгічні проблеми історичної регіоналістики в Україні. - К., 2003
8. Українська соборність. Ідея, досвід, проблеми (До 80-річчя Акту Злуки 22 січня 1919 р.). К., 1999
9. Багров Н.В. ... Никифоров А.Р. Деякі регіональні аспекти побудови політичної нації в Україні // Регіональні проєкції державної політики. Збірник наукових праць Кримського філіалу НИСД. Т.2, с. 28-35
10. Українська соборність. Ідея, досвід, проблеми (До 80-річчя Акту Злуки 22 січня 1919 р.). К., 1999, с.3
11. Піскун О.І. Соборність і деякі актуальні проблеми сучасної національної політики // Проблеми соборності України в ХХ столітті.- К.,1994, с.10
12. Курас І. Ідея соборності України: історія і сьогодення. // Українська соборність. Ідея, досвід, проблеми (До 80-річчя Акту Злуки 22 січня 1919 р.). К., 1999, с.10
13. Смолий В.
14. Томенко М.В. Проблема соборності України: науковий і політичний аспекти // Проблеми соборності України в ХХ столітті. – с.26
15. Шкляр Л. Указ соч, с. 391-392
16. Сергиенко П. Соборність України: поняття, ідея і реальність, К., 1993, с. 54-55).
17. Флоровский Г. Пути русского богословия . Париж, 1937 (репринт К., 1991), с.277
18. Флоровский Г. Указ соч., с.279
19. Бердяев Н.А. Русская идея.// Мыслители русского зарубежья, СПб, 1992, с.180
20. Соловьев В. О христианском единстве. Брюссель, 1967, с.205
21. Булгаков С. Православие. Очерки учения православной церкви. Париж, 1989, с.212
22. Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма. – М., 2004, с.110-111
23. Бачинський Ю. Економічні підстави самостійності націй // Націоналізм. Антологія, К., 2000, с.145
24. Михновський М. Самостійна Україна // Там же, с. 153
25. Грушевський М.С. Галичина і Україна // Твори у 50 томах. Т.1, Львів, 2002 с.379-380

-
26. Франко І. Одвертий лист до галицької молодіжі // Націоналізм. Антологія, К., 2000, с.175
  27. Грушевський М.С. Український П'ємонт // Твори у 50 томах. Т.1, Львів, 2002 с.444-447
  28. Гошуляк І. Універсал соборності та його історичне значення // с. 31
  29. Сергиенко П. Соборність України, с. 54-55
  30. Рябчук М. От «Малороссии» к «Индоевропе»: украинские автостереотипы. // Апология Украины. Сборник статей, М., с.122-123
  31. Кремень В.Г. Соборна Україна у цілісному світі // Проблеми соборності України в ХХ столітті.- с.154
  32. Незалежний культурологічний часопис. Львів, 2002, №23
  33. Кучма Л. Украина – не Россия. М. 2003, с.45
  34. Пискун В. Соборність українських земель як фактор державотворення, с.401
  35. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2003 с.293-295
  36. Нужна ли демократия для экономического роста? // Бизнес Уик, №1, 1994, с.13
  37. Шкляр Л. Указ соч, с.392